

Летом 1918-го

«Сыграйте нам! – распахивают двери, –
Так скучно с вами здесь по вечерам!»
Жара. И караульщики не верят
Ни в Бога, ни в Царя... «Ну что вы там?»
Охранники дымят, не подбирают
Приличных выражений, шутят зло.
И вот княжны великие играют.
Как будто это Царское Село,
Все счастливы и всё вокруг родное,
И кажется, что липы зацвели ...
А Екатеринбург охвачен зноем.
И тени туч сгущаются вдали.

Вербное Воскресенье

По дорогам первого апреля,
От спящих радуясь снегов,
Что вокруг восторженно белели,
Шёл Он к нам с далёких берегов.
Это солнце, строгое доселе,
Всё своей объяло добротой,
Даже спины выпрямили ели
Перед сей процессией святой.
Под сугробом, с горечью жалея,
Что на свет пробиться не сумел,
Одуванчик плакал, – ведь светлее
Нет на свете праздников и дел,
Чем встречать грядущего Мессию.
Пусть на юге пальмы хороши,
Постилаем ветви мы другие –
Всю любовь и преданность души.

От морозов вербы не успели
Свой накинуть праздничный наряд
И трепещут, что к концу недели
Будет Бог замучен и распят.
Будет тьма, и гроб, и плащаницу
Каждый станет с верой лобызать.
И спасенье в Светлую седмицу
Нам Господь подарит всем опять.
Только б были искренни и святы
Мы в своих намереньях-сердцах,
Только бы как верные солдаты
Дослужили честно до конца.
И тогда в селеньях вечно тёплых
Поселит с собою нас Христос.
От Его объятий распростёртых
Даже нынче сдобрился мороз.

* * *

Не лучше ли молчать, не плоски ли слова?
У берега волну рукою не поймаешь.
Так неохватен смысл, как неба синева,
Так звуки неточны, как издали луна лишь
Видна – бледна, ясна и только тайн полна.
Вот так тебе сказать хочу, но с полуслова
Нам не дано понять (так, видно, далеки),
А слово ложь плодит, последствия суровы...
Невысказанных чувств несметны тайники.

Возвращение

Мартовской птицей лететь высоко,
Там, где на город спускаются зори,
Где облаков вознеслось рококо,
И утонуть в чёрно-белом узоре
Липовых крон у ограды одной –
Словно и не было зимних печалей,
Словно вернуться навеки домой
Из расписных, да не ласковых далей.
И не мерещатся, въяве они –
В рыхлых сугробах жасмин и сирени,
Рыженьких свечек в окошках огни,
Храмовых стен домотканые тени.
В сердце вот-вот затрепещет рассвет.
И ничего драгоценнее нет.

Астрахани

О мой город, я грущу не зря
О твоих катальпах и каналах,
О степных ветрах и астрагалах,
О воде остывшей октября.
О мой город, как бы ни был стар, –
Ты ещё младенец в люльке Волги.
Пусть ещё своей волною долго
Утешать тебя в гремучий жар
И во все немирные столетья
И баюкать – пристани качать –
Будет, словно бабушка внучат,
Волга – и вовек бы не стареть ей!
Город мой – гнездовье в тростниках.
Заросли колючкою верблюжьей

Старые кладбища... Питер южный –
На степных разросшийся песках.
Порт, в котором, затаив дыханье,
Наше детство плыло в облака...
Как же ты любила нас, река!
Тополёвой веткой на прощанье
Всем махала, преданным и нет,
И благодарящим, и клянущим
Город и тебя жильцам грядущим
Сохранить – оставим мы завет.
Вы судьбою соединены –
Вспомнишь город, а представишь реку,
Остров, Стрелку, Малую Царевку,
То, чему извечно нет цены.

* * *

Ведро дельфиниума, вечер, и прося:
«Возьмите хоть один!» – мне вслед так робко.
Слеза старушки – божия роса,
Идём по ней – в пакетах и коробках,
В покупках несерьёзных с головой.
Священный маркет просит поклоненья.
В программе жизни вирус, минус, сбой,
Но души всё выносят, камня.
Зачем давно дожившей до седин,
Ей, как подросток тоненькой, так поздно
Стоять дрожа, в сторонке от витрин,
Ждать милости? О, это признак грозный!

Да здравствует эпоха примитива!
 Где нанотехнологии царят,
 Уходят в стратосферу небоскребы
 И камни рассыпают ультразвуком,
 И даже кое-кто меняет пол,
 Но налицо все признаки гангрены.
 Мерцает исторический момент
 Нечистоплотным зраком
 преисподней.
 И даже то, что вечно, на весах

Колелется, подвержено сомнению.
 И мозг превозносящийся изъеден
 Пустившей всюду корни клеветой,
 И упрощаться некуда отныне...
 Да здравствует падение империй,
 Которое должны мы пережить,
 Да здравствует эпоха примитива!
 Хотя, кто знает, это, может быть,
 Аукнулось «господство»
 над природой...

* * *

День грустен, но листвы промокшей медь –
 О роскошь фейерверков прошлогодних! –
 Так хороша, что без конца смотреть
 Могла б душа на чистые уголья
 Аллеи старой, где из забытья
 Дождями вербный пробуждён девичник.
 Прохожий, погоди! С тобой смеясь
 Я так хотела б влиться в гомон птичий.
 Смотри, как тополей прозрачна сень,
 Как в воздухе весны задорны звуки!
 Прохожий! В этот майский тёплый день
 Весь мир святой отрадой убаюкан.
 У каждого гнезда стрекочет жизнь,
 На каждой ветке щебет, ликование.
 Смотри! Жуком проснувшимся бежит,
 Былинкой нежной вышла на свиданье
 И солнца ждёт в смиренной неге – лист –
 В открывшей глаз слегка заветной почке, –
 Весна! И мох оживший бархатист
 И зелен так, что в дрожь бросает строчки...

Тюменский театр

То ли айсберг, то ли ковчег,
 Но по городу денно-нощно
 Нежно-жёлтый, как вешний снег,
 Проплывает театр роскошный.

А вокруг шелестит листва,
 Что пора бы, давно пора бы
 По небесному трапу вам
 На чудесный взойти корабль.

Он у площади встал на мель
 Посмотреть, как вокруг фонтанов
 Ярko крутится карусель
 Детских стаяк и тонких станов.

Охраняет его дозор –
 Голубиная стая-братство.
 Так красив он, что нежит взор
 Добрых жителей и пространства...

Весна

Где птичий восторг стоголос и высок,
Ныряют и плещутся в воздухе птахи, –
Дрожит тополёк в невесомой рубашке,
И свежесть вокруг, как берёзовый сок.
Но я-то не птица, не верба, не жук,
Замлевший в лесу одуванчиков жарких, –
Зачем этот взлёт с замиранием вдруг?
Зачем эта жажда земного подарка –
Недолгой отрады недолгого дня?..
Спасибо, весна, что волнуешь меня.
Иначе б я камнем замшелым была.
А в нём, как известно, душа умерла.

* * *

После бури слёзы сучьев сломленных
По аллее зеленью блестят.
И горит, горит повсюду скромно так
Нежной мать-и-мачехи наряд.
И берёзка светится, молодушка, –
Как серёжки клёнов зацвели!
Но не знает в зарослях соловушка,
Что хозяин новый у земли.
Будет строить яркое чудовище
Из бетона, злобы и стекла,

Торопиться, размышляя, что б ещё
Изрубить, чтоб пользу принесла
Та торговля... Эх, купцы безродные!
Разве роскошь ваша всем нужна?
Золотых монет дороже скромные,
Те, что нам рассыпала весна,
Цветики весёлой мать-и-мачехи,
Шум листвы дичков и тополей.
Вы не благодетели – растратчики!
Ох, очнитесь, милые, скорей.

Земляки (1943–2018)

Был Феофан рождён в Кармацкой
и в сорок третьем взят на фронт.
Теперь лежит
в могиле братской,
в Вайнёде, где полёг народ
за доброй Латвии спасенье.
Его могила номер пять.
Он в медсанбат в денёк осенний
с осколком прибыл умирать, –
совсем недавно восемнадцать.
«Живой он!» – мать была права.
Теперь они такими снятся,
а было б девяносто два...